

Ю.Г. КОРГУНЮК*
**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ**

Рецензия на кн.: Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.

В своей новой книге А.Н. Медушевский представляет попытку осмысления русской революции с точки зрения теории когнитивной истории, исходящей, по словам автора, из необходимости «понимания психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности» (с. 10).

По мнению А. Медушевского, принципиальный недостаток современной историографии русской революции заключается в том, что она «вращается в кругу идей и представлений самой революции, выдвигая в качестве обоснования своих положений одну из идеологических конструкций революционного мифа или их

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, зав. отделом политологии Фонда развития исследовательских программ «Информатика для демократии», e-mail: partinform@mail.ru

Korgunyuk Yuriy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, INDEM Foundation (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru

комбинации» (с. 11). Это, в свою очередь, объясняется господством в историографии «устаревших методологических подходов», которые можно свести к трем основным: 1) детерминистская концепция исторического материализма; 2) консервативные цивилизационные и геополитические теории, постулирующие «неизменность и безальтернативность исторического развития цивилизаций»; 3) постмодернистские учения, «отрицающие или релятивизирующие значение рационального научного познания и представляющие исторические конструкции как продукт искусства» (с. 12–13). Эти подходы, считает автор, идут вразрез с задачами «современной глобальной истории, отстаивающей отказ от методологического детерминизма в пользу вариативной картины прошлого, пересмотр линейной версии исторического процесса.. отказ от объяснения одной культуры понятиями, механически взятыми из другой... и настаивающей на разработке универсальных и ценностно нейтральных понятий, открывающих перспективу доказательного сравнительного анализа исторического процесса разных стран» (с. 14).

Когнитивный метод, знаменуя смену парадигм в историческом познании («переход от нарративной (описательной) истории к истории как строгой науке, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленной человеческой деятельности» (с. 9)), создает, по мнению автора, новые перспективы для изучения революции: «Политическая история революции предстает как направленная деятельность по конструированию новой социальной реальности: определение ее форм; фиксация их смены в основных политико-правовых документах, принятие которых неизбежно отражает значимые изменения информационной картины общества» (с. 15). Предметом исследования, соответственно, становятся «содержание, структура и динамика конституционных принципов, факторы их содержательной трансформации и вклада в формирование общественных отношений», а целью – «выяснение смысла конституционных решений: каковы их когнитивные детерминанты; какие модели стали предметом анализа разработчиков; что было принято и отвергнуто; какая модель в итоге была положена в основу и почему; как соответствующие конституционные принципы трансформировались под воздействием практики применения» (с. 15–16).

С точки зрения когнитивной теории под революцией понимается «радикальное изменение информационной картины мира – преодоление когнитивного диссонанса общества путем насильственного изменения государственного строя, сопровождающееся фундаментальным пересмотром принципов его политической конституции и легитимирующей формулы режима» (с. 18–19). В рамках этого подхода русская революция рассматривается как длительный процесс, продолжающийся «столько, сколько действует революционная формула»: «Ее развитие связано с модификацией этой формулы и ее последовательной десакрализацией, а конец определяется достижением полноценного национального единства с принятием конституции, обеспечивающей национальный консенсус и институциональную стабильность, когда новая система ценностей и ожиданий, провозглашенных революцией, конвертируется в стабильные демократические нормы, институты и правила игры» (с. 24).

Исходя из этого, автор кладет в основу периодизации русской революции «развитие самого революционного мифа на всем протяжении существования (1917–1991)» (с. 24), а структура исследования подчинена «решению центральной проблемы – эволюции легитимирующей формулы русской революции: поиску ее оптимальной формулы в начале революционного процесса – от свержения монархии в ходе Февральской революции 1917 г. до Учредительного собрания (гл. I–III); утверждению ее большевистской версии – от попытки непосредственного воплощения мифа Коммуны в Конституции РСФСР 1918 г. и создания советской институциональной системы до корректировки этого замысла в ходе образования СССР и принятия Конституции 1924 г. (гл. IV–VI); введению новой редакции данной формулы в период консолидации сталинского режима – принятия Конституции 1936 г. и кампании массовой мобилизации на ее основе (гл. VII–IX); модификации легитимирующей формулы в период “оттепели” – в конституционном проекте 1964 г. (гл. X); закреплению ее полностью выхолощенной трактовки в эпоху “застоя” в Конституции 1977 г. (гл. XI); запоздалым попыткам ревитализации данной формулы в конституционных преобразованиях эпохи перестройки (1985–1991), закончившимся полным отказом от нее, но определившим ключевые параметры формирования постсоветской поли-

тической системы (Конституция 1993 г. и направления ее современной интерпретации) (гл. XII)» (с. 34).

Автор настаивает на том, что системный кризис самодержавия был кризисом прежде всего сознания, а не экономики, причиной же революции послужила «неспособность традиционалистского авторитарного режима овладеть тем процессом модернизации, который был успешно начат либеральными реформами 60-х годов XIX в., но не доведен до логического конца» (с. 35). Поэтому, на взгляд А. Медушевского, проследивая развитие революционного процесса, целесообразно говорить «не столько о смене социальных групп у власти, сколько – форм когнитивного доминирования определенных политических стереотипов в массовом сознании» (с. 59). Автор также выступает противником представления о «фатальности революции и смены трех этапов ее разворачивания – крушения самодержавия, Февральской революции и Октябрьского переворота с последующим установлением большевистской диктатуры». На каждом из этапов, по его мнению, «сохранялась определенная вариативность исторического выбора, подчинявшаяся когнитивным установкам правящих групп», а превращение возможности революционного срыва в России в действительность произошло в результате «комбинации отсталости масс, авторитаризма политической власти и экстремизма радикальной интеллигенции» (с. 75).

Анализируя события 1917 г., А. Медушевский высказывает любопытные соображения о природе советов, рассматривая их как «маргинальную форму захвата власти», «архаичную структуру, неспособную к управлению, но являющуюся средством мобилизации антиконституционных деструктивных сил, вплоть до уголовных элементов». Ссылаясь на литературу о «комитетах, хунтах и прочих подобных самопровозглашенных учреждениях» в других странах, он отказывает советам в специфичности: «В ходе всех крупных революций данная форма непосредственной демократии выполняет функции массовой мобилизации и может быть успешно использована для захвата власти совершенно различными политическими силами, после чего необходимость в них отпадает (так как в силу своей природы они не могут быть реальными институтами власти) и они сохраняются в лучшем случае в виде декоративного украшения при номинальном конституционализме» (с. 100).

Наиболее же интересны те главы, в которых автор рассматривает с точки зрения когнитивной теории процесс подготовки

конституционных документов РСФСР и СССР: Конституций 1918, 1924, 1936, 1977 гг., а также не доведенного до принятия проекта Конституции 1964 г. Эта часть исследования основана на тщательном изучении не только научной литературы и воспоминаний современников, но и документов Государственного архива РФ. Скрупулезно воспроизведенная картина дискуссии между различными участниками конституционного процесса впечатляет своей детальностью и даже дотошностью, а выводы автора – глубиной и одновременно парадоксальностью. Так, в частности, полагает А. Медушевский, Конституция 1936 г. «была не столько прикрытием террора (как думали некоторые русские и иностранные современники), сколько правовой основой его проведения»: «Террор оказывается необходимым инструментом преодоления когнитивного диссонанса, выражающего несоответствие формальных конституционных норм и реальности, но одновременно служит для когнитивного закрепления соответствующих стереотипов – написанных кар и наград за санкционированное и отклоняющееся поведение» (с. 363–364).

Примечателен и взгляд автора на события новейшей истории. По его мнению, «мощный рывок к свободе, сделанный М.С. Горбачевым, был одновременно необходимым, разумным и гуманным шагом, позволявшим выйти из тупика однопартийной диктатуры мирным путем», однако «необходимое и единовременное открытие страны мировым информационным процессам (в рамках “нового мышления”) оказалось деструктивным фактором в силу неподготовленности общественного сознания, руководствовавшегося архаичными установками традиционного общества, усиленными стереотипами коммунистической идеологии» (с. 586). Столкновение же между сторонниками и противниками Б. Ельцина в 1993 г. А. Медушевский трактует как «конфликт законности и легитимности», завершившийся в пользу последней: «Президент Ельцин сделал то, что не удалось сделать Временному правительству в 1917 г., – ликвидировал советскую систему и осуществил переход от однопартийной диктатуры к авторитарной демократии» (с. 595). При этом, по мнению автора, принятие Конституции 1993 г. стало «результатом не конституционной реформы, но конституционной революции, или государственного переворота (согласно формально-правовой ее оценке), в ходе которого победившая сторона навязала свою волю оппонентам». Эта революция, считает А. Медушевский,

не сопровождалась полноценными институциональными преобразованиями – за нею «не последовали необходимые реформы институтов – экономических, политических, административных, местного самоуправления, что стало основой [их] сворачивания в последующий период» (с. 596).

Основным противоречием действующей Конституции РФ А. Медушевский считает «конфликт между широкой трактовкой прав и свобод человека и чрезвычайно авторитарной конструкцией политической системы, способствовавшей концентрации властных полномочий в одном центре – институте президента» (с. 601)]. В итоге, по его мнению, современный российский режим «стал наследием исторических форм государственности, воспроизводя их главную особенность – неподконтрольность государства обществу, неограниченный характер власти, которая может резко и произвольно изменять направление движения, руководствуясь персональными качествами и предпочтениями лидера»: «Задача, следовательно, состоит в том, чтобы завершить процесс политических реформ в направлении демократизации – окончательно решить проблемы, которые были поставлены, но не решены в период Февральской революции 1917 г. ... России предстоит еще длительный путь по формированию нового правового сознания, либеральных конституционных институтов и практик. Только после решения этих проблем мы сможем уверенно заявить: конец русской революции есть свершившийся факт» (с. 637–638).

При всех достоинствах книги А. Медушевского представляется, тем не менее, необходимым высказать скепсис относительно надежд автора на революционный характер избранного им подхода – теории когнитивной истории, или когнитивного метода. Этот подход помогает заполнить многие лакуны в изучении истории русской революции и истории вообще, однако вряд ли может претендовать на роль универсальной теории, сохраняющей рациональное зерно всех предшествующих концепций и подходов, но лишенной присущих им недостатков. Этот метод позволяет хорошо изучить одну сторону исторического процесса – ту, которую марксисты назвали бы субъективной. Когнитивный метод помогает понять логику авторов различных проектов развития государства и общества. Но причины успеха или неудачи данных проектов кроются не только в их внутренней цельности или противоречивости. Эти проекты либо находят отклик в обществе, либо, напротив,

наталкиваются на его сопротивление. Понять же причины общественной реакции, оставаясь в рамках когнитивного метода, сложно. Для этого в какой-то момент нужно от изучения идей перейти к исследованию повседневной жизни общества. Исследование А. Медушевского касается «истории идей», не опускаясь на уровень политических стереотипов массового сознания – изучение последних требует совсем других методов и совсем других источников.

Конечно, автор постоянно затрагивает тему столкновения идей с реальностью, но опирается при этом на работы историков-«эмпириков», выполненных преимущественно в традиции тех самых «устаревших методологических подходов», которым он противопоставляет свой когнитивный метод. Причем зачастую отсутствуют даже ссылки на эти работы, поскольку излагаемые в них концепции воспринимаются не как подкрепленные эмпирическими данными гипотезы, а как некие сами собой разумеющиеся «объективные факты». Но в таком случае отстаивание преимуществ когнитивной истории перед «устаревшими подходами» выглядит не особо убедительным, особенно когда автор не очень хорошо обозначает грань между теми областями, в которых он действительно является специалистом (идейная и правовая составляющая конституционного процесса), и теми, с которыми он знаком по литературе (повседневная жизнь населения революционной эпохи и тонкости «реальной» политики).

Так, в частности, происходит в тех случаях, когда А. Медушевский, настаивая на ложности посылки об истории, «не знающей сослагательного наклонения» (с. 73), пытается описать «упущенные» в 1917 г. возможности, использование которых могло бы предотвратить установление большевистской диктатуры. Здесь он, как представляется, несколько выходит за рамки своей компетенции, давая задним числом советы, которые, если разобраться повнимательнее, вряд ли были осуществимы или могли бы исправить ситуацию.

Первой такой упущенной возможностью автор считает «отказ от созыва Государственной Думы (возможно, в расширенном составе) с последующим преобразованием ее в Конституанту – Национальное собрание (как это предлагал М.В. Родзянко)» (с. 92). Данный институт, полагает автор, «обладая несравненно большей легитимностью, оказался бы способен вытеснить с политической сцены такой суррогатный институт, как советы (и положить конец

двоевластию в самом начале его формирования), обеспечить переговорный процесс между основными политическими партиями, объединив и связав их путем взаимного соглашения» (с. 93). Но легитимность Госдумы, избранной по «бесстыжему» (как признавал сам Николай II) закону 3 июня 1907 г., в глазах революционной толпы 1917 г. была не то что нулевой – отрицательной. Ведь Временное правительство поначалу называлось Временным комитетом Государственной думы – его руководители отказались от упоминания Госдумы именно в силу негативных коннотаций, вызываемых названием этого учреждения. Временное правительство постоянно подвергалось уничтожающей критике за наличие в его составе «министров-капиталистов» – притом что пользовалось условной поддержкой эсеровско-меньшевистского руководства советов; против Государственной думы, пусть даже в расширенном составе, сплотился бы весь левый фланг политического спектра, а не только большевики и их леворадикальные союзники.

Другой упущенной возможностью автор называет «провал достижения консенсуса основных политических партий путем взаимных компромиссов и договора с единственной целью – отстранения экстремистов и создания работоспособного коалиционного правительства» (с. 93). Но этот консенсус в принципе был достигнут и выразился в поддержке руководством советов Временного правительства. Правда, к этому консенсусу не присоединились большевики, но революция немыслима без не признающих «соглашательства» экстремистов. Способность договаривающихся сторон нейтрализовать нарушителей конвенции зависит не только от степени осознания ими такой необходимости, но и от реального соотношения сил. То, что большинству партий не удалось маргинализировать большевиков, – их беда, а не вина.

Третья упущенная возможность, по мысли А. Медушевского, состояла в «сознательном отказе Временного правительства от преодоления двоевластия конституционным путем уже в момент его формирования» (с. 94). Но этот отказ обуславливался отнюдь не недомыслием, а учетом реальной расстановки сил. У Временного правительства не хватило ресурсов разогнать советы даже после июльских событий 1917 г., а попытка Л. Корнилова сделать это вместо него бесславно провалилась из-за отсутствия поддержки со стороны сколько-нибудь значительной части политически активного населения. У противников советов не оказалось на тот мо-

мента своего «фрайкора» – подобного тому, который в январе 1919 г. утопил в крови бунт советов в Германии (этот «фрайкор» – в лице Белой гвардии – появился лишь в феврале 1918 г., да и его сил хватило лишь на сопротивление, а не на победу).

Четвертой упущенной возможностью автор полагает «отказ от использования “конституционного момента” – ситуации национального подъема, на волне которой можно было принять временную демократическую конституцию переходного периода» (с. 95). Но существование такого «момента» еще нуждается в доказательствах, которых автор как раз и не приводит.

Наконец, А. Медушевский считает принятую на вооружение концепцию Учредительного собрания «главным деструктивным фактором всего демократического переходного процесса: она заблокировала созыв Государственной Думы как единственного легитимного носителя власти, не дала возможности своевременно принять демократическую конституцию (пусть переходную и инструментальную, но дающую власти легитимность), добиться консолидации умеренных политических сил, преодолеть двоевластие, обеспечить легитимацию новой власти на основе временной конституции, а также сформировать эффективную и постоянную (а не временную) исполнительную власть, которая была необходима в условиях войны и революционного кризиса» (там же). Но ведь если всем без исключения политическим партиям страны в чем-то и удалось достичь в 1917 г. консенсуса, о необходимости которого пишет автор, то как раз в поддержке идеи созыва Учредительного собрания. Большевики, даже захватив власть вооруженным путем, не отказались от выборов в УС – правда, они его потом разогнали, но это уже совсем другая история.

Изложенные выше замечания и возражения не отменяют, однако, того факта, что монография А. Медушевского удалась и представляет несомненный интерес для представителей всех гуманитарных дисциплин, занимающихся изучением русской революции. Как минимум эта книга способна положить начало очень увлекательной дискуссии.